

**Министерство
образования и науки
Российской Федерации**

**Московский государственный
университет
им. М.В. Ломоносова**

**Содружество студенческих и молодежных организаций
Молодежный Совет МГУ
Студенческий Союз МГУ**

**ВЕСТНИК
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
«ЛОМОНОСОВ»**

Выпуск III

**Москва
Макс Пресс
2006**

ББК 20
М 34
УДК 27/43

**Организационный комитет
Международной молодежной научной олимпиады
«Ломоносов-2006»**

Сопредседатель
Организационного комитета
**Ректор МГУ им. М.В. Ломоносова,
академик В. А. Садовничий**

Сопредседатель
Организационного комитета
**Министр образования и науки РФ
А.А. Фурсенко**

Члены оргкомитета:

С.Н. Апатенко (директор Департамента Минобрнауки РФ),
Г.А. Балыхин (руководитель Федерального агентства по образованию),
В.В. Белокуров (проректор МГУ им. М.В. Ломоносова),
И.И. Калина (директор Департамента Минобрнауки РФ),
М.П. Кирпичников (проректор МГУ им. М.В. Ломоносова),
В.В. Козлов (вице-президент Российской Академии Наук),
Л.П. Кезина (руководитель Департамента образования г. Москвы),
И.Б. Федоров (ректор МГТУ им. Н.Э. Баумана),
А.В. Хлунов (директор Департамента Минобрнауки РФ),
ответственный секретарь **И.В. Ильин** (председатель Молодежного совета МГУ)

**Организационный комитет XIII Международной конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов»:**

В.А. Садовничий (*председатель*), **В. В. Белокуров**, **И.В. Ильин**,
М.П. Кирпичников, **В. В. Миронов**, **А. В. Сидорович**, **В.И. Кружалин**, **А. В.**
Михалев, **А. М. Салецкий**, **В. Т. Трофимов**, **А.В. Андриянов**,
А. И. Андреев (отв. секретарь), **И.А. Алешковский** (зам. отв. секретаря).

М34 **Вестник молодых ученых «Ломоносов». Выпуск III.**
М.: Макс Пресс, 2006. —416 с.

В настоящий сборник вошли лучшие доклады участников Международной конференции «Ломоносов–2006», а также материалы научно-практических конференций и семинаров, организованных Молодежным Советом МГУ им. М.В. Ломоносова в 2006 году.

Тематика статей очень разнообразна и охватывает многие актуальные проблемы современной науки.

ISBN 5-211-03964-5

© Молодежный Совет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2006
© Коллектив авторов, 2006

ж'елчный	77,4
жёлчь	30,2
ж'елчь	69,8
захоронённый	24,5
захор'оненный	75,5
недосолённый	26,4
недосóленный	73,6
решётчатый	75,5
решётчатый	24,5

В сознании носителя языка данная группа слов ничем не отличается от предыдущей: мало кто знает, что у предложенных слов существуют варианты произношения. После опроса испытуемые просили назвать верные произносительные варианты, чем сильно нас озадачили. Дело в том, что помимо проблемы выбора какого-либо варианта произношения слов такого типа из нескольких существующих, согласно современным словарям, существует более серьезная трудность, а именно: орфоэпические словари и словари ударений довольно часто предписывают разные варианты произношения одних и тех же слов. В одних словарях какое-то слово может иметь два полноправных варианта произношения, в других – только какой-то один. В последних также наблюдаются варианты: в одном словаре единственно верным произношением является вариант со звуком [’о], в другом то же слово рекомендуется произносить со звуком [е]. Необходимо также отметить, что существующая в современных словарях вариативность произношения слов появилась в последние десятилетия XX века. В произносительных словарях середины века такая вариативность встречается редко.

Таким образом, большое количество и разнообразие орфоэпических словарей и словарей ударения не помогает при выборе какого-либо одного произносительного варианта слова: разные словари дают разные правильные варианты произношения, т.е. отражают существующую вариативность в произношении слов со звуками [jo] и [’о], которая является результатом непоследовательного употребления графемы *ѣ* на письме.

Конкуренция форм первого и третьего лица при обозначении говорящего в детской речи

Горицкая О.

Белорусский государственный университет

1. Особенности усвоения категории лица детьми

Категория лица относится к тем элементам языковой системы, которые поздно усваиваются детьми. Это связано, во-первых, с тем, что грамматическое значение лица является довольно абстрактным и поэтому сложным для детского мышления. Во-вторых, с определенными трудностями сопряжено овладение специфическими средствами выражения категории персонального дейксиса – «шифтерами», по Р. Якобсону. В-третьих, на детскую речь оказывает влияние специфический модус общения взрослого и ребенка, а случаи транспозиции личных форм, особенно замена 1-ого и 2-ого лица 3-им, – обычное явление в речи, адресованной детям, например: *Не я готовлю, а Мама готовит, не Тебе надо ложиться спать, а Васе надо ложиться спать* (см. Шмелев, 2002, 168). И, наконец, правильное понимание значений слов *я*, *ты* и т.п., возможно лишь при определенном уровне развития самосознания ребенка, когда в мышлении уже сформировались категории «Я» и «Другой», а это довольно длительный и сложный процесс.

В формировании категории персонального дейксиса, как и в онтогенезе в целом, велик удельный вес индивидуальных особенностей. Так, некоторые дети долгое время говорят о себе в 3-ем лице (*Вася играет*), другие рано начинают последовательно

употреблять местоимение *я* (*я играю*) (см. Цейтлин, 2000, 47-48; Доброва, 2001, 252). Тем не менее, в «языковой биографии» большинства детей можно наблюдать периоды, когда в речи конкурируют различные способы обозначения себя как субъекта речи. И цель нашего исследования составило выявление общих закономерностей выбора ребенком формы 1-ого или 3-его лица на данном этапе – этапе конкуренции форм. В таком аспекте онтогенез персонального дейксиса еще не анализировался, хотя проблема усвоения личных местоимений привлекала внимание многих известных исследователей (Якобсон, 1972; Иванов, 1978; Лепская, 1997; Доброва, 2001 и др.)

Материалом для исследования послужили опубликованные дневниковые записи лонгитюдных наблюдений за речью 10 детей в возрасте от двух до трех лет (Гвоздев, 1981; От двух до трех, 1998). Мы анализировали не только употребление личных местоимений, а также заменяющих их собственных и, реже, нарицательных имен, но и функционирование глагольных форм 1-ого и 3-его лица. Это связано с тем, что значение лица часто выражается в глагольной форме, и поэтому ребенок может не употреблять избыточное в таком случае личное местоимение (не *Я хочу*, а просто *Хочу*).

Понимание того, что движет говорящим субъектом при выборе той или иной формы языковой интеракции, – ключ к решению многих проблем речевого общения. И так как вопросы диалогического взаимодействия и коммуникации в целом сегодня являются «логическим центром» онтолингвистики (см. Юрьева, 2001, 121) и языкознания вообще, то наше исследование является актуальным для современной науки.

2. Семиотические классы слов в детской речи

Конкуренция различных способов обозначения себя как говорящего субъекта обусловлена не только неустойчивостью языковой системы ребенка, но и размытостью границ между различными типами знаков в детской речи. Ситуативность детской речи обуславливает близость собственных и нарицательных имен: ребенок начинает усвоение языка с восприятия слова как ярлыка конкретного референта, так как «сознание ребенка является сначала осознанием ближайшей чувственной действительности, прежде всего той частной ситуации, в которой он находится» (Рубинштейн, 1989, 474). В то же время эгоцентричность детского мышления привносит в семантику многих нарицательных имен (в частности терминов родства) дейктический компонент ‘мой’: например, *мама* значит ‘*моя мама*’¹. И, наконец, личные местоимения начинают использоваться ребенком не в дейктической, а в номинативной функции – как название или даже имя говорящего человека и его собеседника. С этим связаны распространенные ошибки в употреблении местоимений, когда ребенок не желает «делиться» словом *я* с собеседником. Впрочем, необходимо учитывать, что дистрибуция имени собственного и слова *я* на анализируемой нами стадии онтогенеза, наряду с наличием в лексиконе других показателей персонального дейксиса, свидетельствует о том, что ребенок, пусть не так, как взрослый, но все же осознает особый, отчуждаемый характер личных местоимений.

Имя собственное занимает в детской языковой системе особое место: «для детей использование собственных имен сопряжено с определенным прагматическим удобством и позволяет лишь указывать на предмет как на некоторое нерасчлененное целое, лишая необходимости выделять его важнейшие свойства, идентифицирующие этот предмет определенным образом» (Лепская, 1997, 29). Поэтому дети редко употребляют имена нарицательные, говоря о себе в 3-ем лице (хотя, например, Женя Гвоздев называл себя *мальчик*). Личное имя связано у ребенка с комплексом положительных ассоциаций², так как оно выражает представление об уникальности

¹ Существует мнение, что изначально слова *мама* и *папа* функционируют в детской речи на ранних этапах как имена собственные (см. Лепская, 1997, 28). Поэтому показательным является параллельное употребление нарицательного и собственного имени в следующем контексте: *Аня сидит за столом. Вдруг говорит: *Я паинька и ты паинька. Я Аня, ты – мама** (От двух до трех; Аня С., 2.4.16).

² Любопытно, что Женя Гвоздев предпочитал ласкательную форму своего имени (Женечка), несмотря на то, что окружающие его так обычно не называли (см. Гвоздев, 1981, 94).

собственной личности. Это явление обусловлено тем, что в значении имени собственного на первый план выходит энциклопедическая информация, связь имени с объектом. Приведем несколько примеров: *Играла с маленькой матрешкой, говорит: *Она выластет бальсая*. Я ей возражаю: «Она не вырастет, игрушки не растут». Аня: *Только я расту?* – «И ты, и другие люди и звери». Аня: *И я людя ласту?* – «И ты – человек – растешь». Аня: *Я не теловек. Я Аня** (От двух до трех; Аня С., 2.5.7); **Не бей меня, ты Олю бьешь** (От двух до трех; Оля М., 2.1.20).

3. Коммуникативная и номинативная стратегия речевого поведения

Распределение форм 1-ого и 3-его лица, а также, соответственно, личного местоимения я и имени собственного не является случайным, как кажется на первый взгляд. Наша гипотеза заключается в том, что выбор той или иной формы обусловлен интенцией субъекта – его нацеленностью на коммуникацию или на номинацию. Если ребенок настроен на коммуникативное взаимодействие с другим человеком, то выбирается форма 1-ого лица. И, наоборот, если говорящий хочет назвать себя и тем самым представить свою личность как объективированную данность, то предпочтение отдается 3-ему лицу и имени собственному. Ср.: *Боря перед сном, рассуждая о необходимости идти спать, говорит: *Я папаль, исё буду спать*. Я говорю сама себе: «Надо записать». Борик мгновенно отреагировал и сказал: *Иди, писы*. Я удивилась, смотрю на него, а Боря уже специально повторяет: *Боля папаль, исё буду пать. Иди писы** (От двух до трех; Боря М., 2.5.7).

Основания этой дистрибуции 1-ого и 3-его лица надо искать в когнитивной сфере ребенка. Как отмечает Н.И. Лепская, «в возрасте около двух лет у ребенка наблюдается диспропорция между достаточно большим количеством сведений о предметах окружающей действительности и почти полным отсутствием знаний о себе как субъекте действия. Ребенок ощущает самого себя более как объект, на который направлены действия окружающих (прежде всего родителей), нежели в качестве самостоятельно действующего субъекта, участвующего в процессе общения „на равных”» (Лепская, 1997, 64). Также обратим внимание на то, что коммуникативные ситуации, связанные с номинацией, занимают гораздо более значительное место в «языковом существовании» ребенка по сравнению с речевым поведением взрослых носителей языка. Дидактическая деятельность взрослого, направленная на развитие словарного запаса ребенка и расширение его когнитивной базы, тесно связана с номинацией окружающих предметов. И, в результате, ребенок привыкает к тому, что все, что он видит, можно назвать, в том числе себя и свои действия. Приведем пример: **Мацик баба, папа баба, Лена пруа, Тёся пруа, киська пруа* ‘Мальчик спит, папа спит, Лена ушла гулять, Тося ушла гулять, кошка ушла гулять’* (Гвоздев; Женя Г., 1.9.17).

Форма 1-ого лица выбирается в ситуациях активного коммуникативного взаимодействия, в первую очередь, когда ребенок выражает требование или просьбу, например: **Ицька хацю* ‘Яичко хочу’* (Гвоздев; Женя Г., 2.0.12). Предпочтение отдается форме 1-ого лица и в случае, если высказывание тесно связано с конкретными ощущениями, в частности, когда ребенок находится в состоянии аффекта: *Перешагнула с кресла ко мне на колени и сказала: *Как к тебе я поидула!** (От двух до трех; Аня С., 2.6.10). Необходимо отметить и существование определенной речевой инерции – языковых ходов, к которым ребенок привыкает: так, если в высказывании-стимуле взрослого присутствует местоимение ты или глагол во 2-ом лице, то ребенок всегда отреагирует употреблением формы 1-ого лица. Приведем пример: *Егор бегаёт босиком и играет в паровоз. Папа: «Я же надевал тебе носки! Куда ты их дел?» *Я снял!* Папа: «Почему?» *Не нужны. Паровозы не с носками!* Папа: «А с чем?» *С колесами!** (От двух до трех; Егор А., 2.4.20)

С другой стороны, показательным является выбор формы 3-его лица при переводе прямой речи в косвенную, например: *Бабушка: «Попроси у мамы булки». Егор: *Мама буки нана сыну** (От двух до трех; Егор А., 2.0.22). Здесь мы наблюдаем явление коммуникативной эмпатии: ребенок смотрит на себя глазами другого человека и

называет себя так, как назвал бы его тот. При этом акцент делается на форме, а не на содержании высказывания, так как ребенок «выполняет задание», а не является инициатором общения. Таким образом, на первый план выходит номинативная функция языкового знака, а не коммуникативная. Интерес в данной связи представляет наблюдаемое не только в детской речи употребление имени собственного вместо слова я при передаче суждения, с которым говорящий не согласен. Приведем пример: *Бабушка уговаривает Аню уснуть. Говорит: «Сейчас мама придет и сделает тебе укол от бессонницы». Аня говорит: *Мама пахая* 'плохая'. Бабушка: «Это Аня плохая, что не спит». Аня: *Аня пативная** (От двух до трех; Аня С., 2.0.26).

4. Выбор показателей персонального дейксиса в эгоцентрической речи

Многие детские высказывания используются в особых ситуациях, когда речь ребенка формально ни к кому не обращена: он просто высказывает вслух замечания об объектах реального или воображаемого мира (этот феномен после работ Ж. Пиаже, Л. С. Выготского и др. называется эгоцентрической речью), например: **Тата голая сидит... мичитает... думает, как принц*. Наташа так любит произносить слово мечтает. Принц – реальный для Наташи образ: она любит рассматривать картинки в книге Сент-Экзюпери «Маленький принц» и всегда спрашивает, что делает принц* (От двух до трех; Наташа Ж., 2.1.5). Пиаже определял эгоцентрическую речь как речь о себе и для себя, речь без учета фактора адресата (см. Пиаже, 1994, 17). Но сущность эгоцентрической речи, на наш взгляд, заключается в том, что ребенок одновременно выступает в двух коммуникативных ролях, являясь адресантом и адресатом высказывания. Как писал С.Л. Рубинштейн, «это речь, в которой слушающий всегда солидарен с говорящим; это речь с собеседником, который всегда слушает и всегда соглашается» (Рубинштейн, 1989, 477).

Эгоцентрическая речь занимает в языковой продукции ребенка особое место. В ней, с одной стороны, сохраняются особенности более ранних этапов речевого онтогенеза, а с другой – появляются разнообразные новации. Это обусловлено тем, что ребенок находится в раскрепощенном состоянии и не контролирует свою речь (см. Елисеева, 2001). Так, в эгоцентрической речи долго сохраняются местоимения 3-го лица для референции к себе. Данное явление объясняется тем, что эгоцентрические высказывания произносятся в особых условиях общения – ситуациях квазидialogа (автоdialogа): ребенок находится один и инсценирует игровые dialogи либо комментирует свои действия со стороны, например: *Помыл игрушки – двух динозавров и черепаху – в ванне и объясняет: *Они были грязными, помыл Егорка и будут чистыми. Динозавр с своим дитём и черепаха. Так Егорка сказал** (От двух до трех; Егор А., 2.3.15).

В качестве адресата в квазидialogах могут выступать игрушки, воображаемые люди или сам ребенок. При этом степень конкретности адресата диктует выбор языковых средств – абстрактного местоимения или индивидуального имени собственного: *В своих автоdialogах Аня часто разговаривает не только с собой и о себе, но и с другим лицом, либо реальным (и тогда она обращается к нему по имени), либо неизвестным, воображаемым (и тогда она обращается к нему с помощью местоимения «ты»).* Например, *Аня сорвала ромашку. *Ломка, ты тоже хочешь ламашку? Мою тебе надо? Я не дам. Солви сам. Моя тебе лавицца?** В тот момент нашего знакомого Ромы рядом не было (От двух до трех; Аня С., 2.8.13).

В эгоцентрической речи выбор форм 1-ого или 3-его лица является наименее последовательным, ср. высказывания одного ребенка с разницей в два дня: *Стучит палкой по стенке и говорит: *Я гоздик калятию* 'гвоздик заколачиваю'* (От двух до трех; Аня С., 2.2.3); *Вынесли елку. Кругом иголки. Я говорю: «Сейчас пылесосом уберем». Аня: *А Аня лутькам бияет* 'ручками убирает' – и сгребает руками иголки со стола* (От двух до трех; Аня С., 2.2.5). В подобных случаях грань между dialogом и квазидialogом является зыбкой, и это объясняется близостью социальной и эгоцентрической речи в коммуникативной практике ребенка. Поэтому часто высказывания о наблюдаемых фактах действительности, близкие по содержанию к эгоцентрической речи, оказываются

обращенными к конкретному собеседнику. В таких случаях ребенок говорит о себе в 1-ом лице, например: *Боря пишет в моем блокноте и говорит: *Мама, я тут пишу** 'я тут пишу'. Это первый случай, когда я заметила самостоятельное конструирование глагольной формы в речи Бори (От двух до трех; Боря М., 2.6.9).

5. Лицо и время: взаимосвязь грамматических и коммуникативных категорий

Интересные результаты дает анализ употребления местоимения я и имени собственного с глаголами в форме прошедшего времени. Оказывается, что если глагольная форма имеет семантику перфекта (обозначает действие, актуальное в момент речи), то используется местоимение 1-ого лица¹: *Играла с водой, говорит: *Плятька мотила я** 'Плятька намочила я' (От двух до трех; Аня С., 2.1.20); *Спрашиваю: «Аня, у тебя сопельки?» Аня отвечает: *Тоутьто плакиля я** 'потому что плакала' (От двух до трех; Аня С., 2.2.26); *Покрутила ручку громкости телевизора и говорит: *Я делиля глёмте 'громче'* (От двух до трех; Аня С., 2.3.3).

Если содержание высказывания составляет простая констатация факта, имевшего место в прошлом, то выбирается имя собственное: *Смотрит картинку: *Лялитька плакаит. Слеськи тикут. Анька утля плякиля-плякиля** 'утром' (От двух до трех; Аня С., 2.3.15); *Пролила клюквенный морс. Плакала, потому что бабушка ругала. Потом рассказывает: *Клюфка, клюфка! Аня пакиля синя** 'Клюква, клюква! Аня плакала сильно' (От двух до трех; Аня С., 2.1.19); *Смотрит на часы: *Паэсил папа** 'повесил'. *Бабушка убирает со стола, Аня показывает на салат и говорит: *Аня кусила** (кушала) (От двух до трех; Аня С., 2.0.6).

Как отмечает Вяч. Вс. Иванов, «с точки зрения естественного языка представление о я вне времени <...> парадоксально, я определяется самим моментом речи (Иванов, 1978, 126). Этот тезис доказывает функционирование высказываний с формами будущего времени. При описании схожих ситуаций ребенок может выбрать форму 1-ого или 3-его лица:

1. *Взяла сумочку, говорит: *Я буду сколу ходить с сумкой. Буду тётте давать тетлятьки, а она мне будет сто-то делать... Я не маленькая, да? Я хотю сколу, я сама уйду сколу, мама, ладно?** (От двух до трех; Аня С., 2.7.18).
2. *Увидела по телевизору людей, катающихся на лыжах. Говорит: *Анька тозе будет на лизях кататься. Анька будет съколю хадить. Анька будет басы-бася** (От двух до трех; Аня С., 2.4.5).

В первом случае ребенок играет с сумкой и поэтому чувствует себя реальным участником описываемой ситуации из будущего (отождествление действительности и игры является специфической чертой мышления ребенка²). Второй контекст – это пример особого типа детских высказываний, являющихся образно-словесными ассоциациями на вербальный или предметный стимул. Приведем аналогичные примеры: **Мальчик будит купаца лецьки. Мальчик будет сидеть писке. Мальчик будит Мить билё** 'Мальчик будет купаться в речке. Мальчик будет мыть белье'. Эти фразы он говорил одна за другой, когда речь зашла о купанье. Он говорил и еще, но я не успел записать. Сейчас, спустя несколько часов, опять заговорили о купанье, и он сказал: **Мальчик пайдёт лецьку купаца** (Гвоздев; Женя Г., 2.1.7). *Люба готовит калетку. Мальчик будит кусить калетку. Папа будит камить. Люба готовит котлетку. Мальчик будет кушать котлетку. Папа будет кормить*. *Нарисовал всю эту картину будущего, услышав, как Люба застучала мясорубкой* (Гвоздев; Женя Г., 2.1.9). Основная функция подобных высказываний – номинативная: вербализация образов, возникающих в сознании ребенка, поэтому глагол в будущем времени ставится в форму 3-его лица.

¹ Данная гипотеза нуждается в экспериментальном подтверждении и верификации на большем объеме материала, что, возможно, составит одно из направлений наших дальнейших исследований.

² Ср.: *Берет металлический бильярдный шар: *Это мое любимое яйцо! Я сейчас буду высиживать цыплёнка! Своёва!** *Садится на детский бильярд и подбирает под себя бильярдные шары* (От двух до трех; Егор А., 2.6.0).

6. Выводы

Итак, дистрибуция средств персонального дейксиса на этапе конкуренции форм 1-ого и 3-его лица при обозначении говорящего указывает на то, какая функция высказывания является приоритетной для ребенка – коммуникативная или номинативная. Когда субъект речи видит себя как коммуникативное лицо, действующее в конкретной ситуации общения, то выбирается форма 1-ого лица. А когда для ребенка важнее назвать себя и свои действия и тем самым выразить собственную коммуникативную отстраненность, то употребляется глагол в 3-ем лице и имя собственное, являющееся удобным средством самоидентификации.

Использование категориальных средств 3-его лица для обозначения говорящего характерно не только для детской речи. Оно имеет место при особых формах коммуникативного поведения субъекта речи, «когда он представляет объектом мысли себя самого», в результате чего возникает эффект «превращения себя в объект, особенно в расчете на восприятие реальных участников коммуникации – “зрителей”» (Химик, 1990, 113-114). Однако специфика психической деятельности ребенка и особое использование языковых знаков обуславливает то, что в детской речи употребление конкурирующих личных форм является более частотным и функционально нагруженным.

Литература

1. Гвоздев А. Н. От первых слов до первого класса: Дневник научных наблюдений. Саратов, 1981.
2. Доброва Г. Р. Функция первых падежных форм личных местоимений в начальной детской грамматике // Теоретические проблемы функциональной грамматики. СПб., 2001. С. 250-260.
3. Доброва Г. Р. Эгоцентричность прономинальной и пара-прономинальной лексики (сравнительный анализ онтогенеза личных местоимений и терминов родства) // Детская речь как предмет лингвистического исследования. СПб., 2004. С. 78.
4. Елисеева М. Б. От 2 до 5: речь «для других» и «речь для себя» (к вопросу об эгоцентрической речи ребенка) // Ребенок как партнер в диалоге. СПб., 2001. С. 59-76.
5. Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978.
6. Лепская Н. И. Язык ребенка. Онтогенез речевой коммуникации. М., 1997.
7. От двух до трех: Дневниковые записи. СПб., 1998.
8. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М., 1994.
9. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Т. 1. М., 1989.
10. Химик В. В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке. Л., 1990.
11. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М., 2000.
12. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
13. Юрьева Н. М. Экспериментальное исследование диалогического взаимодействия детей-сверстников в совместной деятельности // Ребенок как партнер в диалоге. СПб., 2001. С. 121-154.
14. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 95-113.

О классификации эпиграфических источников

Житенева А.М.

Паломнический центр Московского Патриархата

e-mail: annazhiteneva@yandex.ru

Изучение русской кириллической эпиграфики на современном этапе развития науки осложняется отсутствием классификации эпиграфических источников, согласующейся с целями, задачами и методами эпиграфического исследования. В результате огромный пласт средневековых письменных источников остаётся вне поля